

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

*М.И. Пантыкина**

ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

г. Тольятти, Самарская область, Россия

E-mail: pantikina@tltsu.ru

***Аннотация.** Обсуждается попытка отказаться от распространенных в научной и публицистической литературе негативных оценок правового нигилизма в пользу его феноменологического истолкования в качестве формы существования правового субъекта и исходной данности правовой жизни. В результате правовой нигилизм предстает как один из возможных вариантов познания и интерпретации права, конкретные проявления которого обусловлены культурно-историческими условиями жизни общества и политическим режимом. В статье рассматриваются когнитивные причины правового нигилизма, показано его влияние на правовые практики.*

***Ключевые слова:** социальная феноменология, правовой нигилизм, правосознание, правовой субъект, правовая жизнь, правовые ценности, правовые нормы.*

В научных публикациях последних лет правовой нигилизм определяется в качестве данности современного общества. При этом негативные оценки уровня развития правовой культуры касаются не только постсоветских государств. Как пишет П. Рикер, «кризис западной демократии тоже ставит вопрос: что такое правовое государство?» [1, с. 27]. Для преодоления правового нигилизма исследователи чаще всего предлагают изучить особенности истории и национального менталитета конкретных сообществ и внести изменения в действующую правовую систему. При этом используются следующие определения понятия «правовой нигилизм»:

- 1) правовой нигилизм – это отрицание действующего законодательства, выражающееся в активном или пассивном неповиновении его требованиям;
- 2) правовой нигилизм – это признание сложившегося состояния правовой жизни как нелегитимной (несправедливой) и нелегальной;

*Пантыкина Марина Ивановна – доктор философских наук, доцент, заместитель директора гуманитарно-педагогического института по учебно-методической работе.

Статья представляет собой расширенный вариант выступления на конференции «Междисциплинарные исследования: сущность и перспективы развития (Борисовские чтения)» (Самара, ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», 27–28 сентября 2019 г.).

3) правовой нигилизм – это девальвация значимости правового регулирования и цивилизационных достижений права: ценностей свободы, равенства, справедливости, прав и свобод человека.

Поскольку правовой нигилизм проявляется в различных аспектах социальной жизни, ни одну из указанных формулировок нельзя считать исчерпывающей. В этой связи следует согласиться с мнением Н.В. Варламовой, утверждающей, что правовой нигилизм необходимо изучить с точки зрения единства трех измерений: с позиции юридического нигилизма, социологического нигилизма и собственно правового нигилизма [3, с. 93]. Так, пренебрежение ценностными основаниями правовых норм, «навязывание» государственными структурами тех или иных законов приводит к отчуждению общества от права (юридический нигилизм). Формализм нормативных предписаний требует дополнительных мер силового воздействия со стороны государства, которые воспринимаются обществом как «право сильного», вынуждают смириться с неэффективностью законов в решении проблем общественной жизни (социологический нигилизм). Постепенно люди привыкают действовать и мыслить в условиях несвободы и несправедливости. Приспосабливаясь к сложившимся обстоятельствам, они создают такие девиантные модели поведения, которые парадоксальным образом согласовываются с законами. В результате право превращается в «чеширского кота» – его нет, но он присутствует в виде сардонической улыбки (собственно правовой нигилизм).

Требование многомерного осмысления правового нигилизма предполагает выявление его оснований не только в социально-исторических и политических условиях развития государства и права, но и в правосознании правовых субъектов. Для этого необходимо представить последних в качестве правовых деятелей, а правовой нигилизм определить в качестве особого типа правопонимания. Действительно, если конкретно-исторические условия вывести «за скобки», то правовой нигилизм можно определить в качестве позиции субъекта права, при которой отрицается содержательно-генетическая связь между изначальными представлениями о социальном порядке и правовыми нормами, а правовые ценности девальвируются.

Одной из важных предпосылок исследования феноменов правосознания является выбор методологических средств. При изучении правового нигилизма представляется обоснованным использовать феноменологическую методологию. Именно она позволяет проследить изменяющиеся данности правовой жизни, которые образованы процессами, открывающимися в интенции субъектов права. Данная методология помогает выявить способы конституирования права: от простейших фиксаций в пространстве и времени до изучения его смыслообразования, от первичной рефлексии до размышлений

о ценностных основаниях правовой культуры. Изучение правового нигилизма с позиции феноменологии предполагает прежде всего признание правового субъекта в качестве основания его формирования. Последний, являясь носителем правосознания, принимает (или не принимает) участие в правовой жизни, согласно собственным представлениям о праве и неправедии принимает те или иные решения.

При этом правосознание правового субъекта образовано последовательностью таких ментальных актов, как интендирование и конституирование. Результатами этих процессов являются предметные и смысловые значения права, которые затем становятся частью правовых отношений и, наконец, институализируются. В правосознании конституируется актуальный облик права, который нередко диссонирует с его легальными презентациями – законами, правовыми институциями и ценностями.

Если следовать логике рассуждений Х.-Г. Гадамера, что истину не может познавать или сообщать кто-то один [3, с. 8], то правосознание не может не быть intersubjectивным, то есть не принимать во внимание интенции других правовых субъектов. Поскольку intersubjectивность правосознания является производной первопорядкового Я, то она имеет спонтанный характер и подвержена негации. Например, в условиях политического кризиса или разрушения общественных идеалов субъект права вынужден руководствоваться чувством самосохранения и интуитивными рассуждениями о праве, стремится к реализации эгоистических или корпоративных интересов.

Заметим, что ноэматические и ценностные характеристики правосознания зависят от воли правового субъекта. Как справедливо отмечает С.И. Архипов, поскольку правовое сознание стремится реализоваться во внешних поведенческих отношениях, то «оно существует не как абстрактное, теоретическое сознание, а как рациональный элемент воли, как ее интеллектуальная сторона» [4, с. 18]. Воля как выражение целерациональных устремлений правового субъекта характеризует его в качестве лица, способного принимать и осуществлять решения в правовой сфере.

Процесс реализации воли обусловлен единством двух ее фаз: усмотрением и правовым интересом. Усмотрение – это мыслительная деятельность, в рамках которой осуществляется анализ вариантов правового поведения, соотносятся возможности и интересы субъекта права. Правовой интерес можно определить как стремление к достижению поставленных целей, удовлетворению потребностей с помощью правомерных/неправомерных средств. При этом воля, а также направляющие ее усмотрение и интерес рассматриваются не как психологические феномены, а как формы когнитивной активности субъекта. Они обеспечивают переход от абстрактной возможности правовой

личности к последующей ее реализации в решениях и действиях («воля – это право знания» – Г.В.Ф. Гегель). В этом контексте движение правосознания от усмотрения к интересу и воле могут быть интерпретированы как моменты интенциональных переживаний правовой жизни. Думается, что смысловая связка «правовая жизнь – правовое сознание – воля» требует отдельного исследования, тем более что современная правовая практика дополняет ее такими интенциями правовой реальности, как «риски», «порог вины», «волевые решения» и т. д.

Итак, правосознание субъекта может быть определено как многогранный феномен, ядром которого является воля, устремленная вовне, в практическую деятельность. Когда правовой субъект утверждает в ней свое существование, он предстает как правовой деятель. В этом собственно и состоит генетическая и содержательная взаимосвязь таких ипостасей субъекта права, как «быть носителем правосознания» и «быть правовым деятелем» [5, с. 46]. Непротиворечивая и полная реализация этих характеристик субъекта права является, очевидно, недостижимым идеалом.

Однако также очевидно стремление субъекта права к осмысленной жизни в праве. Э. Гуссерль сравнил это стремление с готовностью к бодрствованию: «...Жить в состоянии бодрствования – значит бодрствовать для мира, постоянно и актуально осознавать мир и самого себя как живущего в мире, действительно переживать, действительно осуществлять бытийную достоверность мира» [6, с. 194]. При этом для субъекта права как правового деятеля правовая жизнь предзадана как сфера его практической реализации. А субъект права как носитель правосознания в актах пассивного синтеза определяет границы освоенности и привычности форм правовой жизни, в актах активного синтеза конституирует смыслы права, постоянно отодвигая эти границы. Единство этих ипостасей субъекта права обнаруживается в акте признания конкретных правовых норм. Это происходит тогда, когда ему удастся найти содержательно-генетическую связь между существующими представлениях о праве и законности с ценностным фоном социальных ожиданий. Если такая связь не обнаруживается, то правовой субъект отказывает своему присутствию в праве, начинает «нетствовать», то есть отрицать правовые нормы.

Как видим, склонность правового субъекта к негоциям предстает в двух взаимосвязанных формах: в виде неведения и в виде нигилизма. Неведение можно определить как отсутствие опыта правовой жизни. Как следствие, неведущий правовой субъект не предполагает наличия правовой информации, не подозревает о наличии правовых решений, непосредственно связанных с его интересами. Нигилизм можно считать следствием неведения. Он характеризуется убеждением в том, что невозможно найти то, что неизвестно.

В этом случае правовой субъект ориентируется на привычные, не всегда законные, схемы деятельности. Все, что выходит за пределы зоны освоенного, либо игнорируется, либо отрицается.

При каких условиях правовые нормы становятся понятными и признаются в качестве значимых жизненных ориентиров? Во-первых, правовой субъект должен осознавать значимость своего присутствия в правовых процессах, а его ожидания – подтверждать необходимость и уместность правового регулирования общественной жизни. Во-вторых, состояние присутствия в праве должно быть в достаточной степени хабиитуализированным. Очевидно, что привычность, «нормальность» активного существования в праве во многом зависит от внешних факторов. В частности, от того, насколько формализованным и неформализованным институциям удастся учитывать стремление правового субъекта к эмансипации. В-третьих, привычные и доступные правовые данности необходимо рассматривать как основания законотворчества. На эту сторону правовой жизни обращал внимание А. Шюц, утверждая, что в ситуации «лицом к лицу» такие стандарты крайне необходимы. Интерсубъективность правовых взаимодействий имманентно включает в себя нормативность как условие воспроизводства самих себя. Освоение нормативности, переход ее из состояния внешнего обязательства во внутренний императив зависит от степени ее очевидности для субъекта [7, с. 161].

Одним их проявлений правового нигилизма следует считать здоровое неприятие неэффективных, антисоциальных законов, законотворчество, приспособленное к коррупции и корпоративным интересам. Такого рода правовой нигилизм является свидетельством активной гражданской позиции и служит своеобразной «иммунной системой» правовой жизни. Чтобы научиться различать конструктивные и деструктивные формы правового нигилизма, необходимо видеть за «буквой закона» постоянно отодвигающийся «горизонт» правовой жизни, предполагающий «бодрствование» правосознания и корректировку правопонимания. Это тем более важно, что в современном мире, как отмечает В.Е. Кемеров, «меняются не только масштабы и порядки встраивания стран и народов в историю, включения их в поступательное движение. Меняется логика их сопоставления, способы и средства их взаимосвязи. Логика общих правил, понятий и представлений отходит на второй план, поскольку первый занят выработкой средств взаимодействия, соответствующих прежде всего конкретному развертыванию процесса» [8, с. 15]. Изложенное выше позволяет заключить, что процессуальная логика социальной феноменологии, отраженная в гуссерлевской идее о конституировании феноменов сознания и в учении о жизненном мире, позволяет задать новый ракурс дальнейших исследований правового нигилизма.

Список литературы

1. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 27–36.
2. Варламова Н.В. Правовой нигилизм: прошлое, настоящее... и будущее России? // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2000. – № 1. – С. 90–98.
3. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Прогресс, 1991. – 367 с.
4. Архипов С.И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 14–21.
5. Пантыкина М.И. Феномен правовой жизни: социально-философский аспект исследования // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 4. – С. 43–51.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию: Пер. с нем. Д. Скляднева. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
7. Schutz A. Gut informierte Burger. Gesammelte Aufsätze. Bd. II. – S. 92–93 / Цит. по: Шульц В.Л. Методология социального познания А. Шюца // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – 156–164.
8. Кемеров В.Е. Российская реальность: между современностью и постсовременностью [Электронный ресурс] // Социемы. – 1993. – Вып. 2. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. – URL: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/texts/sociemy/2/kemerov.html (Дата обращения: 21.02.2019).

EXPERIENCE OF SOCIAL-PHENOMENOLOGICAL RESEARCH OF LEGAL NIHILISM

*M.I. Pantykina**

Togliatti State University

Togliatti, Samara Region, Russia

E-mail: pantykina@tltsu.ru

Abstract. *The author of the article suggests a possibility of refusing negative evaluations of legal nihilism, which are widespread in scientific and publicist literature, in favour of performing a phenomenological analysis of the concept, and the given reality of legal life. As a result, legal nihilism is presented as a possible way of understanding and interpreting the law, particular manifestations of which are determined by cultural-historic condition of social life, and the political regime. The article tackles cognitive reasons of legal nihilism, and reveals its influence over legal practices.*

Keywords: *social phenomenology, legal nihilism, legal consciousness, the subject of law, legal life, legal values, legal regulations.*

* Pantykina Marina Ivanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Deputy Director of the Humanitarian and Pedagogical Institute for Educational and Methodological Proceedings.